И. А. РАЗУМОВА

ФОРМУЛЫ СКАЗКИ И ИХ ЯЗЫКОВАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ (К ВОПРОСУ О ФОРМУЛООБРАЗОВАНИИ)[1]

Традиционные формулы сказки, несмотря на значительную степень их изученности, продолжают оставаться в поле зрения фольклористов и лингвистов. Этот неослабевающий интерес объясняется тем, что изучение сказочных формул, как и других разновидностей фольклорной фразеологии, помогает разработке широкого круга проблем, связанных со спецификой народно-поэтической речи, со стабильностью и вариативностью в фольклоре, с природой творческой импровизации и многими другими актуальными вопросами.

Особенно внимательны исследователи к морфологии формул, их внутренней структуре[2]. Анализ структуры формул позволяет увидеть, как стабильные элементы, благодаря разной сочетаемости, могут комбинироваться и создавать различные формулы. Н. Рошияну убедительно показал существование структурно-семантических инвариантных моделей, по которым образуется многообразие конкретных вариантов формул.

Соотношение стабильного и варьирующегося в формулах русской сказки рассмотрено Н. М. Герасимовой. Исследовательница выделяет две основные закономерности варьирования формул. Это формульная синонимия, т. е. замена одного элемента другим, с аналогичным значением, функцией и в той же структурной позиции, и амплифицирование или редуцирование формул[3].

При всей правомерности установления инвариантных схем для формул сказки не может не обращать на себя внимание

---

[1] Материалом для наблюдения послужили русские волшебные сказки Карелии. См.: Русские народные сказки Карельского Поморья/Сост. А. П. Разумова, Т. И. Сенькина.— Петрозаводск: Карелия, 1974.—424 с. (Сокр.— Ск. Поморья); Русские народные сказки Пудожского края./Сост. А. П. Разумова, Т. И. Сенькина.— Петрозаводск: Карелия, 1982.—368 с. (Сокр.— Пудожск.); а также тексты из Архива КФ АН СССР (Сокр.— АКФ). Ссылки на материал даются прямо в тексте статьи, для архивных текстов указываются номера коллекции и единицы хранения.

[2] Рошияну Н. Традиционные формулы сказки.— М.: Наука, 1974.— 216 с. Структуру формул русской сказки рассматривали также Л. Г. Бараг, Н. В. Новиков, Н. М. Герасимова, М. Д. Медриш.

[3] Герасимова Н. М. Формулы русской волшебной сказки.— Советская этнография, 1978, № 5, с. 21.

такое разнообразие устойчивых «сказочных» оборотов, для глубокого и полного изучения которого недостаточно лишь структурного подхода. Разными комбинациями элементов в составе формулы не исчерпывается варьирование этих стереотипов. Организация формулы представляет несколько уровней, и уровень элемента не является низшим. Г. Л. Пермяков, анализируя вариативность паремий, определяет варианты как «такие формы, в которых варьируются (т. е. заменяются равноценными для данного изречения) элементы низших уровней»[4]. Сказанное полностью относится к традиционным формулам, которые организованы не только с помощью составляющих элементов, но и синтаксически, ритмически, а также на уровне лексики. Варьирование на этих уровнях носит более универсальный для формул характер, поскольку многие формулы одноэлементны и варьируются лишь лексически, синтаксически и т. д. Поэтому анализ сочетаемости элементов в составе формул должен быть дополнен рассмотрением языкового воплощения формульных стереотипов.

О. А. Давыдова в результате лингвистического анализа выделяет квантитативное (количественное), квалитативное (качественное) и комбинированное варьирование формул[5]. Она внимательно прослеживает все случаи лексической синонимии, синтаксических инверсий, словообразовательных вариантов. Все это, в конечном итоге, убедительно демонстрирует пути создания многообразия формул и постоянное обновление их за счет языковых средств. Недостаток же рассматриваемой работы, на наш взгляд, один: неглубокое понимание сущности инварианта. За исходную форму принимается та, которая чаще встречается в определенной группе текстов. Остальные считаются ее вариантами. Точнее было бы считать, что инвариантная сущность любого клише, в том числе и сказочной формулы, «находится вне данных изречений, на каком-то ином, более высоком абстрактном уровне»[6]. Это позволило бы сделать более глубокие выводы о природе формул.

Таким образом, если в варьировании формул существенна синонимия структурно-семантических элементов, то в варьировании элементов — синонимия лексическая, синтаксическая и даже ритмическая. Так, «в некотором царстве, в некотором государстве» и «в одном прекрасном городе»— это элементы-синонимы, с помощью которых образуются варианты начальной

---

[4] Пермяков Г. Л. О явлениях паремиологической омонимии и синонимии.— Материалы всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам 1(5). Тарту: Изд-во Тартуского гос. ун-та, 1974, с. 232.

[5] Давыдова О. А. Традиционные языковые средства русской народной волшебной сказки (определительные сочетания, поэтические формулы): Автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук.— М., 1981, с. 4—5.

[6] Пермяков Г. Л. Указ. соч., с. 232.

формулы. А выражение «в некотором царстве, в неведомом государстве» (АКФ 125/61) — вариант первого из названных элементов, образованный лексической синонимией.

На значение стереотипа и, следовательно, на образование вариантов не влияют фонетические изменения. Нельзя, например, относить к вариантам пространственного элемента начальной формулы стереотипы, в которых форма «в некотором» («в некоем») имеет вид «не в котором» («не в коем»): «Не в котором царстве, не в котором государстве, именно в том, в котором мы живем, жил-был...» (АКФ 23/550, 551). Н. М. Герасимова считает, что этот вариант фиксирует «неопределенность места, усиленную отрицанием»[7]. Это ошибочное мнение, так как трансформация здесь чисто механическая. Это метатеза, относящаяся к фонетическим и, возможно, диалектным явлениям. Подтверждается это тем, что исполнители при такой перестановке ударение делают на частице. То, что частица утрачивает отрицательное значение и полностью сливается с местоимением, демонстрирует такое употребление: «В невкотором царстве, в невкотором государстве» (АКФ 4/41).

Нередко ритмико-звуковое оформление способствует созданию вариантов формул. Например, по ритмико-звуковой модели создаются варианты «формулы существования» в финале: «стали жить-поживать да детей умножать» (Пудожск., с. 239), «стали жить-поживать, добра наживать, с лиха сбывать» (АКФ 5/3) и т. п.

Вариации в лексическом составе и синтаксические инверсии не всегда затрагивают ритмико-звуковую организацию формулы: «скоро сказка сказывается, а не скоро дело делается» (АКФ 29/59), «скоро сказка сказывается, а по успехам дело делается» (Пудожск., с. 59), «не скоро дело делается, а скоро сказка сказывается» (АКФ 125/36), но могут и ликвидировать ее: «сказка сказывается скоро, дело идет по своему успеху» (АКФ 23/550). Это показывает относительную самостоятельность ритмико-звукового оформления стереотипов.

Степень лексической стабильности формул различна. Одни редко меняют привычный словесный облик: «ни в сказке сказать, ни пером описать», «долго ли, коротко ли», «стань передо мной, как лист перед травой» и некоторые другие. Есть формулы, более подверженные варьированию. Приведем все имеющиеся в нашем материале варианты формулы быстрого роста: «ребеночек растет не по дням, а по часам» (Ск. Поморья, с. 97), «дети начали расти, конечно, не по дням — по часам, по минуточкам» (Пудожск., с. 80), «он рос не по годкам, а уже по часкам» (Пудожск., с. 91), «а этот паренек не по дням рос, а по минутам» (АКФ 102/44), «этот сын растет

[7] Герасимова Н. М. Указ. соч., с. 23.

не по часам, а по минутам» (АКФ 8/158), «он рос не по годкам и не по неделям, а по часкам и по минуткам» (АКФ 17/65), «не по годам ростит, а по часам» (АКФ 4/25)[8]. Все пространство замен в формуле относится к указанию на время. Не меняется ни смысл, ни синтаксическая структура формулы. Модель формулы имеет следующий вид:

расти не по [указание на отрезок времени], а по [указание на меньший отрезок времени]

Сама синтаксическая структура здесь во многом удерживает значение необычного по времени роста.

Аналогичное явление отмечено в языке эпоса: эпические формулы «варьируются по своему лексико-грамматическому строению. При этом, однако, сохраняются ключевые слова (или их синонимы) и общий ритмический рисунок стиха»[9]. Что касается «ритмического рисунка стиха», то очевидно, что у эпических формул он более устойчив. Сохранение же конструкции с опорными словами при варьировании формул — явление общее.

В рассмотренном примере один из вариантов, а именно: «не по дням, а по часам» — лексически достаточно стабилен. Для целого же ряда формул стабильной является только конструкция с опорными словами (иногда дополненная стабильностью ритмики). Сравним выражения: «не тот муж, который возле меня сидит, а тот, который у порога стоит» (АКФ 7/33), «не этот,— говорит,— жених, который за столом сидит, а этот,— говорит,— жених, который у порога сидит» (АКФ 29/6), «не тот твой зять, который у тебя в терему сидит, а тот, который с дочкой на берегу спит» (Пудожск., с. 68). Исключая пространство замен, выделяем конструкцию:

не тот [семейный статус и местонахождение персонажа], а тот [тот же статус и другое местонахождение персонажа].

В данном случае сама конструкция имеет значение идентификации героя.

В лингвистическом отношении обе рассмотренные конструкции организованы одинаково: с помощью лексического повтора в стабильной части и противительной связи, противопоставления.

---

[8] Варианты этой формулы на своем материале рассматривает и О. А. Давыдова. См.: Давыдова О. А. К вопросу о традиционных языковых приемах и средствах русской народной волшебной сказки.— Проблемы современной и исторической лексикологии: Сб. науч. трудов. М.: Изд-во МГПИ, 1979, с. 118—119.

[9] Кумахов М. А. К проблеме языка эпической поэзии.— Вопросы языкознания, 1979, № 2, с. 52.

Еще одна типичная формульная конструкция:

сумел [трудная задача], сумей и [трудная задача]

формулы, образованные по этой модели, используются тогда, когда происходит последовательная проверка героя, задаются трудные задачи, испытывается умение владеть чудесным предметом, волшебным помощником: «умел перышки сорвать, умей и собрать» (АКФ 133/136), «сумел взять перо, сумей взять прут в руки» (АКФ 124/93) и пр. В соответствии с традиционной композицией сказки конструкция нередко повторяется или утраивается в одном тексте в симметричной позиции: «сумел взять золотое перо, сумей взять золотую птицу.., сумел достать золотую птицу, сумей достать морскую деву...» и т. д. (АКФ 124/93).

Рассмотренная конструкция также образована с помощью лексического повтора. Однако опорные слова в ней могут варьироваться: «сумел ты меня рассмешить, так сослужи ты мне три службы» (Пудожск., с. 146). От наиболее распространенного варианта здесь удерживается одно (первое) слово. В силу устойчивого употребления оно само по себе ассоциируется с формулой и создает ее: «сумел накормить да напоить, теперь дай в трех росах вываляться» (Ск. Поморья, с. 130). Формульность выражения сохраняется в значительной степени за счет типичности самой конструкции. И все же в большинстве случаев интегрирующей частью является повтор глаголов: «а кто мог меня достать, тот может и платья эти достать..., а кто мог меня достать и платья вси мои достать, тот может и состав сделать» (Пудожск., с. 103—104). Формы глаголов меняются из-за сказочной ситуации: здесь задачи задаются не самому герою, а царю, за которого выполняет их герой. Смысл же конструкции: последовательная (поступенчатая) проверка умений героя — не изменяется.

Формульный характер носит и такая атрибутивная конструкция, когда определение дается описательно, косвенным образом и, как правило, является предикативным: «становятся такие города, что никто и в жизни не слыхал» (АКФ 2/71), «стоит палата и такая высокая, что если посмотреть наверх, то шапка с головы свалится» (Пудожск., с. 240), «сделай мельницу, чтоб заход был, а выходу не было» (АКФ 2/56), «церкву сработать надо, чтобы эта церковь вся позолочена, и им чтобы повенчаться» (АКФ 126/79), «дворец, чтобы лучше в мире не было» (Ск. Поморья, с. 239). Часто таким способом описываются предметы, входящие в трудные задачи, или чудесные предметы, которые помогают герою. Так, в одной из сказок герою дарят «краюшку хлеба, что до смерти не съесть», и «кошелек-самотряс, денег век не вытрясти» (АКФ 7/9).

При условном обозначении конструкция эта будет носить предельно схематизированный характер, поскольку даже союзы, присоединяющие определение к определяемому слову, в них варьируются:

[наименование предмета], что [предикативное определение]
и другие союзы

Несмотря на максимальный схематизм и фактическое отсутствие опорных слов, конструкция носит формульный, типичный для сказки характер.

Таким образом, стереотипный характер в языке сказки носят не только словесные, лексически устойчивые формулы, но в гораздо большей степени — типичные конструкции. Как правило, они организованы с помощью опорных слов, знаменательных или служебных. Такое явление, когда «признаком стилистического трафарета является единообразие синтаксического построения», С. Ю. Неклюдов называет «грамматической формульностью, в отличие от формульности лексической»[10].

Устойчивые диалоги также организованы типовыми конструкциями с опорными словами. Типичен для сказки такой, например, диалог:

«...девица сидит и плачет. Он спрашивает:
— Об чем плачешь?
— Как мне не плакать, мне сегодня смерть...» (АКФ 29/133).

Сохраняя при варьировании синтаксическую основу, прием повтора глагола в репликах и опорные слова, диалог этот используется и в других сказочных ситуациях, в ином словесном воплощении. Варьируется он и в пределах одной сказки:

«— Ах, конь, что ты бьешь по земле?
— Как же мне не бить, когда мачеха хочет сгубить тебя...
— Ах ты, вещий конь, что ты в земле стоишь?
— Как же мне в земли не стоять, когда от тебя меня да ладят кончити...» (Пудожск., с. 101).

Стабильные конструкции формульного характера, которые выделяются при широком варьировании формул и типовых диалогов,— это схемы, содержание которых конкретизируется в каждом отдельном случае. Они не совпадают со структурными моделями Н. Рошияну. Румынский ученый выделил в стереотипах абстрактные структурно-семантические единицы, приложимые к широкому международному материалу. Грамматическая же формульность — явление конкретно-языковое. Это традиционные синтаксические схемы. С другой стороны, формульные

[10] Неклюдов С. Ю. О стилистической организации монгольской «Гесериады».— В кн.: Памятники книжного эпоса. М.: Наука, 1978, с. 53.

конструкции не представляют лишь чисто синтаксические образцы данного языка (односоставные, двусоставные предложения и т. д.). В отличие от универсальных эквивалентов, формульные конструкции традиционны по своему употреблению в сказке, во многом обусловлены жанровой поэтикой и удерживают «сказочное» содержание[11].

Основная черта фольклорно-эпического стиля состоит в том, что «более или менее сходные выражения строятся по определенным образцам-моделям: тематическим, лексическим, синтаксическим, метрическим»[12]. В этом моделировании «сходных выражений», различающихся как по объему, так и по степени стереотипности, и состоит формульная стереотипия. Основой формулы служит устойчивая конструкция. Постоянство лексического наполнения в целом ряде случаев превращает ее в словесный стереотип.

Выделение понятия конструкции поможет, на наш взгляд, по-новому поставить вопрос о формулообразовании, соотнести абстрактные структурно-семантические модели традиционных формул волшебной сказки с их конкретной реализацией в русском языке. В конечном итоге это будет способствовать дальнейшему изучению проблемы соотношения народно-поэтического и «нефольклорного» языка.

---

[11] О специфическом использовании в сказке целого ряда общеязыковых грамматических конструкций см.: Савельева Л. В. Отрицательные конструкции в некоторых прозаических жанрах русского фольклора.— В сб.: Язык жанров русского фольклора. Петрозаводск, 1977, с. 67—72.

[12] Мелетинский Е. М. «Эдда» и ранние формы эпоса.— М.: Наука, 1968, с. 110.